

Инна СОЛОВЬЕВА

Параллельно трагедии

Можно переспросить себя, готова ли эта полоса: не странно ли, хорошо ли возвращаться к тому неизбежно, исходно дробному, что заполняло рабочие часы и мысли человека, чье искусство между тем обладает мощью охвата, собранностью, сжатостью подчас суровой. Вот письма, которые Немирович-Данченко из дня в день пишет близкому человеку, жене, в ту пору, когда он ставит те именно великие спектакли, к которым сполна относится все, что вообще можно сказать об его режиссуре, об его "большой линии". И в "Братьях Карамазовых", постановке 1910 года, и в "Николае Ставрогине", поставленном по "Бесам" в 1913-м, торжественно дар режиссера-трагика (трагедия, как и мистерия, по природе своей не может мелочиться, не нервничает). А в письмах, параллельных подготовке этих созданий, — и вроде бы рассказывающих, как именно они готовятся, — мелочь на мелочи. "Пена", муть, сор.

Вчитываться ли в эти письма, — решайте сами. Нельзя обещать, что непременно проступит отгадка — как из сора возникает нечто. Поэтический оборот Ахматовой насчет того, как растут стихи, не ведая греха, — оборот и захватанный, и довольно соблазнительный. Далеко не из всякого сора они растут, стихи...

Спектакль "Николай Ставрогин", параллельно созданию которого идет переписка Немировича с его Екатериной Николаевной, был спектаклем жизненно важным для России тринадцатого года (еще раз можно обернуться к Ахматовой — к ее "1913 году", к возникающей там тени Достоевского — "Страну знобит, а омский каторжанин/Все понял и на всем поставил крест").

Режиссер искал для своей инсценировки "Бесов" ритм, единый во всех его скачках, перепадах, переключениях. Искал доминанту, "которая сольет всех в одном душевном захвате", хотел "стихийного водоворота отзвуков жизни, искрящихся, острых, глущих" (это — из письма к А.Н.Бену).

Долгие диалоги шли на крупном плане и почти неподвижно, контрастируя с динамикой и пестротой многолюдных эпизодов. В "истерической сцене бала", в котором было занято более 70 человек, "бесновались" (словцо художника спектакля М.В.Добужинского) молодые артисты (среди них — Михаил Чехов, Вахтангов, Бирман...); в беснование вторгался голос мальчика: "Заречье горит!". Зрителю спектакля МХТ легче, чем нам, было почувствовать сходство этой нескончаемой карикатурной кадрили в час поджога — с балом нехстати в день продажи "Вишневого сада", с безумным общим вальсом на ярмарке во время мора ("Драма жизни"), с праздником у Человека на фоне бархатной бездонной тьмы и с пляшущим шествием нищих в спектаклях по Леониду Андрееву — вплоть до разгула в Мокром ("Братья Карамазовы").

Писавшие о Качалове — Ставрогине упоминали ужас безгражданности. Беспредельный, ненужный, холодный простор мысли. Страшная усталость от простора. Спутником Ставрогина, провокаторм, влюбленной и пакистой тенью жил в спектакле Петр Верховенский — И.Н.Берсенева. Красавец Верховенский покусывал ногти, дразнил вертлявыми, лихорадочно-мелкими гримасками, нагловатой простецкостью; он был как рыба в воде в толчее; в тесной гостиной или зала сновал от одного к другому какими-то округляющимися, длинными восьмерками.

В выстроенной Немировичем композиции не было сцены-кульминации, но среди того, что более всего запоминалось, — кабинет Ставрогина, где стены терялись в полусумраке, и свет зеленой лампы выделял только лица хозяйина и Верховенского. По длине монолога эта сцена почти не уступала

"Кошмару" — разговору Ивана с Чортом (с самим собой) из "Братьев Карамазовых". Говорил вожак "наших" — воспаленный, бредящий, но и знающий, чего хочет, рассчитывающий на десятки лет вперед.

1913 год, который в предстоящую эпоху станет мерилом благополучия и мира, был и годом последних предупреждений. Прозрение и пророчество "Бесов" становились все более важными для общества — и для Художественного театра, с его гражданской интуицией.

Впрочем, про все это в письмах — не так уж много...

Суббота, 10-е. 10 часов

...Самая важная — и по моей, репертуарной, части — ошеломляющая новость.

Письмо от Германовой, — что ей надо меня видеть по очень важному и спешному делу. Я вызвал: оказывается, ждет ребенка и играть не может до февраля. Трогательно довольна своим "положением", но беспокоится, что внесет в Театр много осложнений. Я ее успокоил и отпустил с миром.

Передать роль леди Мильфорд Книппер? Или отложить "Коварство", а сейчас ставить "Бесов"? Вот вопрос, который я должен завтра решить. Т.к. не могу себе представить Книппер в роли "гордой британки", то вернее, что объявлю внезапно, что ставлю "Бесов".

Был Румянцев, сидел у меня вот до этого часа. И когда я ему сообщил эту новость, то по его лицу увидел, что он поражен моей административной тактикой. Вот критический случай, и опять я легко обхожусь без "советов" и только я один могу сразу повернуть рычаг без ущерба для дела.

"Бесов" я готовил для 3-й постановки, — пусть это будет первая, а "Коварство" — третья.

Затем, перебирая остальную репертуар, вижу, что вести старые пьесы без Германовой будет трудно. Но справлюсь. Летит совсем только "Екатерина Ивановна", и Бог с ней! И совсем не знаю, как быть с "Тремя сестрами". Ольгу играла Бутова, но это было плохо. "Карамазовы" — я не собирался ставить раньше праздников, — их отмена не убыточна. "На дне" передам Барановской. Остается "Мудрец". Предложу Лилиной, — она просила эту роль. Не удастся ей, — Книппер. Да и не беда. Это — работа не ответственная.

Главное, — мне решиться на "Бесов".

Это будет такой же подъем, как было с "Карамазовыми".

Утро вечера мудренее. А в ожидании ванны я ходил по кабинету, думал и вот, думая, писал и тебе.

Завтра, на кладбище, увижу, вероятно, все театры — Южина, Незлобина, Марджанова...

Вообще-то временное отсутствие М.Н.Германовой вносило беспорядок большой: замену ей найти не удалось (или не хотелось), перечисляемые Владимиром Ивановичем спектакли (кроме "Трех сестер" с Ольгой — Н.С.Бутовой) из репертуара сезона 1913-14 гг. выпали. И "Коварство и любовь", над которыми так много успел поработать Добужинский, ради которых ездил по Германии (Мюнхен, Штутгарт), никогда не были поставлены (Станиславский еще в 1934 году жалел о трудах Мстислава Валерьяновича, полагая возможным к ним вернуться, тем более, что о ролях Фердинанда и Луизы мечтали молодые Ливанов и Степанова. Но не судьба).

А насчет кладбища — 11 августа 1913 г. НД должен был навестить могилу М.С.Щепкина, исполнялось 50 лет со дня смерти.

Понедель. 12-го.

...Вчера был на кладбище, возложил на могилу Щепкина венок. Видел там Саши Сумбатову, — он был торжественен, на высоте представителя "Дома Щепкина". Ну, и разных актеров. Из наших — Стахович, вчера приехавший и сегодня уехавший, Массалитинов, Александров, Бурджалов, и только.

Оттуда домой. Было у меня заседание: Леонидов, Бурджалов и Стахович. Вишневецкий не мог приехать...

...Решил ставить "Бесов". Послал телеграммы Бенуа, Добужинскому — вызывая их немедленно [немедленно]. Ну, и разные мелкие дела. В 4 часа ушел, до дому пешком.

Думаю, что делать вечером: устраивать свой письменный стол, или кабинет в Театре — или поехать на воздушок.

Вернее, что сделать последнее.

Просишь ты рассказывать тебе подробнее, а что рассказывать — не знаю. Все — мелочи, которые скучно повторять. В Театре еще никого и нет, кроме "конторы". И ремонт заканчивается.

У Марджанова работа кипит. Но Шукин говорит: "Мне их действие не нравится". А про меня Шукин говорит: "Я везде говорю, что вас нельзя было на такое маленькое дело, как театр. А не иначе, как первым министром России".

Постановка "Бесов" будет подъемом для Театра, но, конечно, не таким, как "Карамазовы". А хорошо то, что слишком неожиданно. Это взбодрит. А то предстояли очень вялые репетиции. Теперь же, когда надо торопиться, нельзя будет вяло работать...

Про то, что у Марджанова кипит работа, — это про готовящееся открытие Свободного театра, куда, ранив учителей, ушла Алиса Коонен.

Свободный театр осенью 1913 года открывался в том самом помещении в саду "Эрмитаж", которое в 1898 году Я.В.Шукин сдал только что возникшему Художественному театру.

Воскресенье, 18-го

...А 16-го было собрание труппы и приступили к "Бесам". В сбо-

ре почти все, кроме Станиславского, Лилиной, Книппер, Гзовской, Кореневой (въехала иголка в ногу, делали операцию). Несмотря на угрожающее отсутствие Москвина, общее настроение хорошее. Вероятно, потому, что у меня вид бодрый, спокойный, улыбающийся. Вероятно, мой вид внушает веру в то, что все будет благополучно. Явился и Стахович, тоже в хороших тонах. Телеграмма от кисловодцев с приветствием с началом трудного и важного сезона.

Я держал скромную и спокойную речь, призывая всех помочь в спешности постановки. Разумеется, все отозвалось. Никаких громких фраз и "военных положений" я не объявлял. К вечернему заседанию приехал и Добужинский, тоже бодрый и готовый работать. Сегодня жду Бенуа. Лужский в отличных тонах и энергичен. Вишневецкий не показывает, занят своим ребенком. Самарова болеет. Бутова имеет вид поправившейся, но не вполне. Германова просит дать ей какую-нибудь работу, не актерскую. Раевская бодр и, разумеется, молодая. Молодежь настроена совсем хорошо.

Роли раздают так: Николай — Качалов, Варвара Петровна — Бутова и Муратова, Лиза — Коренева (нету другой красавицы-барышни), Хромоножка, юродивая — Лилина и Халюткина, Лебядкин — Грибунин, Петр Верховенский — Берсенева, Шатов — Массалитинов, Даша — Барановская, Лембке — Лужский, Юлия Михайловна — Книппер, Федька Каторжный — Бакиев, Маврикий Николаевич — Хохлов, Прасковья Ивановна — Раевская.

Идут сцены так:

- 1-е отделение
1. На паперти церкви
2. В гостиной Варв.Петр.

- 2-е отделение
3. В кабинете Ник.Ставрогина
4. У Шатова
5. На мосту
6. У Лебядкиных
7. На мосту

- 3-е отделение
8. У Лембке
9. В кабинете Николая
10. Бал

4-е отделение

11. В Скворешниках
12. Под дождем в саду
13. На пожарище (убийство Лизы)
14. Эпилог

Старик Верховенский, Степан Трофимович, остается только в нескольких репликах — Стахович.

Убийство Шатова, жена Шатова, революционные собрания, Кириллов — всё это составляет второй спектакль, который пойдет, может быть, в будущем году. Здесь же только роман Николая Ставрогина.

В "Русском слове" ты, вероятно, уже прочла мое интервью.

Теперь идет работа с макетом и декорациями. Если удастся стихийность всех этих пережитий, одержимость "бесами" внутренняя, а не только внешняя, то должно получиться представление замечательное.

Третьего дня обедал со Стаховичем в "Эрмитаже". И там видел Южину. Что-то писал.

Вчера у меня обедал Эфрос. А сегодня будет Добужинский...

В предыдущем письме НД, сказавши "Погружаюсь в Николая Ставрогина", огорчился как запозданием Добужинского ("несмотря на мою телеграмму "Impossible retarder votre active" ["ни в коем случае нельзя задерживаться с приездом"], он так и не приехал вовремя"), так и многочисленными болезнями членов труппы: "О Москвине очень плохие известия. Что-то у него с сердцем скверное."

Самарова тоже к делу непригодна.

Видел Бутову. И хотя она, кажется, довольно здорова, но не могу вполне обрадоваться.

Какой-то дом инвалидов! Я самый старший и, кажется, самый крепкий. А уж ты бы среди них — inqene!"

А вот — из письма, написанного 20 августа:

Работаю еще с большой прохладцей. Не разгехались...

В Театре настроение покойно-бодрое.

Вчера была уже третья беседа с исполнителями. Все настроены хорошо. Один Качалов, как всегда, ни романа еще не прочел, ни готовится... Леонидов не хочет делить ни того, ни другого. Вишне-

Журан и сценарий — 11

ского не затянуть в Театр даже по делам. Вообще мужчины-старички требуют больше энергии, чтобы их поднять, чем дамы и молодежь. И не потому, чтоб были утомлены, а от лени. Трудно с ними.

Бенуа — по письмам — очень горит, но застрял где-то и приедет, я думаю, только завтра. ...

Возможно, холодность Л.М. Леонидова объясняется тем, что он, побывав в гостях на Капри, солидаризировался с суждением Горького о Достоевском. "Вспоминая Ваше мнение, я был очень против "Бесов", — извещал он Алексея Максимовича 16 августа. В постановке Леонидова не заняли ("Я свободен, и слава Богу").

В переписке — небольшой антракт, Екатерина Николаевна возвращалась в Москву, а в середине сентября снова уехала — за границу, к сестре.

17-е/30, вторник

...В Театре тихо, — энергично, но бесшумно работаем без инцидентов.

Но так сложно, что даже не могу приблизительно сообразить, когда же откроется сезон. Иногда нет-нет подумаю и похлопею. Только что перешли на сцену, а то всё за столом в фойе разбирались. Да и теперь — утром на сцене одни картины, а вечером в фойе — углубление и разборка с другими. А их 17! ...

18-го, среда

...Репетиции интересны, потому что интересно добиваться проявления Достоевского, его психологии. ...

Четверг, 19-го

...Отдохнув вчера, лучше чувствую необходимость репетировать энергично. А то что-то становится страшно. Никогда не было подобного. 20 сент., а о том, когда состоится спектакль, и поминка нет. Предвижу слишком позднее начало и большие убытки. ...

Суббота, 21 сент.

...У меня начинается чувство "паники". Когда будет готова сложная машина "Николая Ставрогина", совершенно не выясняется.

Могю сказать наверняка, что открытие сезона никак, ни в каком, самом счастливом, случае не состоится раньше 10-го. Дай Бог, если 14-го. ...

Ничего не будет удивительно, если и 14-го еще не откроем Театра. Хотя это ужасно! ...

Понедельник, 23 сент. (4 окт.)

Милый мой дружок! Вчера не писал, так как был взволнован статьей Горького (призыв к протесту против постановок Достоевского с неприличным тоном ко мне). Сегодня я уже спокоен совсем. Еще вчера к вечеру уже был

в равновесии. Но утром созвал к себе Совет и Станиславского и Стаховича и поставил на обсуждение, как реагировать на эту статью и реагировать ли. При этом я сказал, что сам хотел бы не вмешиваться в это. Решили они ответить коллективным выступлением, а так как никто из них не умеет писать, то написали Бенуа. Он, вероятно, завтра приедет, а то и сегодня.

Остальное все благополучно. Мы здоровы, погода была насморковая, но сегодня уже опять чудесная.

Трамвайная забастовка продолжается. Однако совершенно мирная. Только извозчики стали немного дороже. ...

Пятница, 27 сент.

Два дня совсем не писал тебе, голубчик. Те два дня был так захвачен, без перерыва, что не мог писать. Виноват Горький. Я пишу тебе в расчете, что ты письмом Горького в "Рус. Слово" прочитала. Если нет, то в двух словах.

Достоевский вреден. Это злой гений. Приглашаю всех духовно-здоровых людей протестовать против постановок Достоевского.

Все это испещрено почти неприличной выходкой против меня лично и узким взглядом не только на Достоевского, но и вообще на литературу и театр, узким, партийным, нехудожественным.

Пришлось дать настоящий отпор этому письму. Если бы возражал я один, это еще могло бы поддерживать протест Горького, но мне хотелось, чтобы Театр отвечал помимо меня. И вот пошла заседания, в которых я не участвовал, но, разумеется, знал всё. Выписали Бенуа, потому что у нас никто не умеет писать. Но и Бенуа всё советовался со мной.

Наконец, составилось то "Открытое письмо Горькому", которое и напечатано во всех газетах. Интересно было, однако, не только, как ответил Художественный театр, но и как отнеслись газеты сами по себе.

От всяких интервью я уклонился. Но дал его Эфросу для петербургской "Речи". Это пришлось делать между репетицией и обедом.

На днях как раз Андреев, предлагая свою пьесу, писал, что сезон Худож. театра будет трудный. И приводил враждебные явления: 1) Андреева и Горький, 2) Свободный театр и 3) слухи о протесте Горького против Достоевского на сцене. Я писал ему длинное письмо, где говорил, что "Андреева и Горький" не страшно, потому что уже неинтересно для театров. Свободный театр — не страшно, потому что много денег еще не значит много таланта. А что касается протеста Горького, о котором я слышал, то мне кажется, что этот протест потерпит полное фиаско.

И если где есть злой гений, то у тех, кто толкает Горького на такой протест.

Очень захватывал меня вопрос, ошибся я или нет. И потому с утра я хватался за все газеты.

Такого фиаско я не ожидал! Все газеты единодушно порицают выступление Горького. С поразительным единодушием. Я собираю эти газеты. И это каждый день. Я это предчувствовал, и мне было даже жалко Горького. Был момент, когда я хотел остановить возражение Театра. Но соображал так: Горький размахнулся и хотел одним ударом повалить и меня и Театр, в особенности меня. Уже очень он самонадеянно рассчитывает на свою силу. Пришлось так крепко стоять, чтоб от своего размаха он сам покачнулся.

Я думал, что "Русские ведомости", по обыкновению, промолчат. Но и они сегодня пишут против Горького и в "Славу" Худож. театра.

Я писал Андрееву, что если Горький выступит, то выйдет только реклама Худож. театру. Так и случилось. Получилась огромная реклама.

Вот, голубчик, почему мне было не до писем.

А потом еще за эти дни пришлось прочесть пьесу Андреева. Чтение было у меня. Началось в семь часов вечера без меня. Я приехал с репетиции, потом дал ужина. Вышло до 2 часов ночи.

Вчера и сегодня только отоспался, отдохнул.

Так было несколько дней тревожных. Совпало с трамвайной забастовкой, демонстрациями на улицах, известиями о железнодорожных катастрофах. Тревожные дни.

Теперь все кончилось.

Погода стала осенняя. Однако, я все хожу пешком. Это своего рода отдых.

Теперь могу сказать точно, что сезон не откроется раньше 14 октября. Это уже наверное. ...

[28 сентября 1913]

...Газеты у меня эти дни отнимают больше обыкновенного времени. Так много пишу об этой истории с Горьким. И все-таки мне даже жалко, как он опростоволосился. ...

А Мар.Петр.Лилина по вечерам занимается в моем театральном кабинете, т.к. дома — это она нашла! — мешают ей.

Да это что! 25 лет она на сцене, и не было только ни одного спектакля, но и ни одной репетиции, чтоб она так заливалась горючими слезами, как в этой роли! Вскрылся-таки ее лиризм!

Вот что делает Достоевский! И как может режиссер — по крайней мере — не мешать вскрываться душе.

Ну, иду домой отдыхать. Крепенько целую.

Твой В.

Вторник, 1 окт.

Покров Богородицы Праздник Черниговской Милый дружок! [дружок — так. Э. их домашнее пошучивание, писали: "денезки" и тому подобное. — И.С.] Я тебя совсем забросил. Вчера опять не писал.

Во-первых, опять идет снег. Я думал, — один снег странная случайность. Каприз природы. Но вот уже второй. Это уже не каприз, а бунт.

Во-вторых, — отчего я не писал? Третьего дня я был на открытии "Летучей мыши". Балиев приходил и очень озорно обвинял меня, что я сознательно подчеркиваю свое отсутствие, нечувствие его делу. Ну, я поехал. Разумеется, он меня "подавал", так что все время я кланялся.

Было так себе, — скорее скучновато. Были недурные номера и неважная, совсем неважная публика. ...

К премьере "Николая Ставрогина" Екатерина Николаевна постаралась быть в Москве, поэтому описаний этого дня в письмах к ней нету. Есть описания заключительной поры работы в письме к Леониду Андрееву; оно без даты, написано после 22 октября (когда "Николая Ставрогина" сыграли), не позднее 3 февраля 1914-го.

...Я третий день не выхожу из дому. Это называется: "Влад. Иван. отдыхает". Но сижу за письменным столом по 10 часов — так много накопилось всяких писем, вопросов, дел...

Работал я за эти 2 месяца, как давно не помню. Доходило до того, что репетировал с 12 утра до 12 ночи с часовым перерывом, чтобы 10 минут полежать, 20 мин. походить по двору и полчаса обедать. А за обедом спрашивали меня, как быть с таким-то стулом или такой-то паддугой.

Но работа шла дружно. Вот бы всегда так дружно! Атмосфера в Театре стояла непрерывно настоящая художественная (стало быть, и литературная). Работать с Добужинским чистое наслаждение. Бенуа на высоте. Артисты все до одного или, как за Брандом. В то же время Станиславский с Бенуа готовил "Трактирщицу" — так что во всем углам кипение. Достоевский вдохновляет нас теперешних едва ли

не сильнее, чем Чехов вдохновлял нас тогдашних!

Меня даже ни одним словом не корили пайщики за то, что я так затягиваю открытие сезона. С убытком в 33 т.!! А я не мог пустить спектакль, пока не почувствовал, что он — если не совсем готов, то, по крайней мере, готов в проекте. Актеры знают твердо, чем жить и в какую сторону совершенствоваться.

Почти небывалый случай. Что-то приблизительное было только с "Катериной Ивановной" [речь о прошлогодней постановке пьесы Андреева. — И.С.]

Спектакль прошел, и нам казалось, что "успеха никакого", а настроение у всех актеров было такое радостное, словно их венчали фуруром и лаврами. И таковым оставалось всю ночь, хотя выпивки и не было для поддержки.

И каждый спектакль актеры идут на сцену с необычайной верой в то, что они делают что-то значительное.

И критика на этот раз не очень пошла за публикой. У кого поменьше вкуса или совсем нет жажды Бога, тот и бранит. А у кого есть настоящий художественный вкус или кого волнует вечная [распря] совести с грехом, — тот очень хвалит.

Я гляжу довольно трезво, несмотря на угарную работу, и скажу Вам: полной победы нет. Еще нет! Актерам мешает Чехов. Но победа будет!!

В смысле театрального искусства думаю, что мы находимся у вершины, но я еще не сумел сделать спектакль из инсценировки. Не сумел. То ли времени не хватило, то ли не осилил. А можно!

Давно я не беседовал с Вами.

Относительно Ваших предположений угрозы я, кажется, оказался прав.

Увы, протест Горького — я, кажется, писал Вам, что он потерпит фиаско, — но и я не ожидал, что такое!

Свободный театр — пока что — грохнулся.

А вот внутренние наши трудности стали еще труднее. ... Только и цепляешься за веру, что если работать по совести, то Бог не выдаст. ...

Насчет Горького и его фиаско... Тут не так все ясно, с вопросом насчет антиреволюционности (Горький в ней обвинял, МХТ отводил обвинения).

Тут многое можно бы добавить. Еще до писем Горького страх реакционности сковывал режиссера. Из двух вариантов инсценировки он выбирает не ту, которую сам же считает более глубокой.

Тому причина не столько давление общественного (либерального) мнения, сколько давление изнутри, давление собственных душевных навыков. Можно проследить, как изменялась структура спектакля по ходу его создания: из "наших" в инсценировке был один Лямшин (его репетировал Н.Ф.Коллин), но и он исключен: перед самым выпуском снимаются обе картины "На мосту" (лучшие у художника и великолепные у П.А.Бакшеева, который играл Федьку Каржонного); сокращается "Бал искусств", от которого остаются только фрагменты, необходимые для фабулы; бегство Лизы в Скворешники; сомневаются, оставить ли одну из самых существенных сцен — убийство Лизы на пожарище, эту маленькую тихую толпу, которая беззвучно накрывает собой и беззвучно расступается, убивши.

Избегая расширения в сторону политическую, режиссер открывал смысл эсхатологический. "Николай Ставрогин" обретал атмосферу сжатую и загадочную. Тончайше реальные, декорации Добужинского несли недосказанное и беспокойное: длинная стена у паперти, вдоль которой сидели черные нищие, серая комната в Скворешниках, где в амбразуре высокого окна, освещенного заревом, жалась Лиза — Л.М.Коренева в зеленом бальном платье, закутанная в красную шаль. Искали освещение, идущего от единственного ис-

точника. Режиссер соединял дух тревоги с монументальностью, добивался скупости передачи катастрофических переживаний, вместо техники кантилены актеры овладевали "страстной порывистостью мазки", мощью выброса страстей при аскетизме внешних средств. Восхищавший своей близостью к вершинам театрального искусства, "Николай Ставрогин" был спектаклем глубоко мрачным. — МХТ исключил его из репертуара в следующий сезон, решив, что Россия, вступившей в мировую войну, нужны более бодрящие сценические впечатления.

Занятно: при глубине предчувствий режиссер-трагик на настоящее начало исторической трагедии почти не отреагировал, хотя и послал жене из своего лечебного Карлсбада как обычно подробное письмо. Им и закончим.

Вторник, 17 июня

...Пока все идет прекрасно.

Как я проскочил морем, — удивительно.

Еще удивительнее погода здесь. Ни разу за все годы такого не было. Совсем изумительно. ...

Ты, конечно, уже знаешь о громадном событии в стране, где я живу.

Это было в воскресенье. Когда я пришел и швейцар провожал меня в лифте, он начал мне что-то рассказывать. Так как он всегда мне что-то рассказывает, несмотря на то, что совершенно знает, что я все равно ничего не понимаю, — то я и не очень обратил внимание. Но он пристал, чтоб я понял. Я немножко догадался, что с каким-то из великих князей австрийских что-то случилось. Кто-то кого-то убил. Однако и жену его... Через полчаса фрау Валента, поливавшая цветы на верхней террасе дворика, рассказала мне уже по-французски, что какой-то студент-серб убил Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола, 50 лет с лишком, и его жену. Австрийский наследник открытый противник России. Всегда говорили, что как только умрет Франц-Иосиф, так новый император тотчас же объявит России войну. Сдерживает только старик.

Убийство произошло в Сараеве, городе в Боснии, которую вместе с Герцоговиной Австрия отпорола от Сербии под свой протекторат лет 6-7 назад. За последнее время Австрия сильно влияла на то, чтобы Сербия перестала от России к Австрии, и даже как-то участвовала в разжигании второй (братоубийственной) болгаро-сербской войны.

В автомобиль сначала была направлена бомба, но Фердинанд оттолкнул ее рукой, и она разорвалась на улице. Покушение не удалось. А когда, спустя некоторое время, он с женой снова ехали, то другой убийца вскочил к ним в автомобиль и выстрелами убил наследника в голову, а его жену в живот. Оба тотчас же умерли.

В Карлсбаде прекратилась везде музыка. Вывесили кое-где черные стяги.

Сегодня, кажется, утром музыка уже играла.

У Франца-Иосифа, всеобщего любимца за свой мирный нрав и за почтенный возраст (кажется, ему 76), это уже 4-й случай в семье. Один из сыновей — двойное самоубийство с Марией Вечера, другой, кажется, был убит, жена или дочь с ума сошла. Что-то в этом роде...

● Николай Ставрогин — В.И.Качалов

● Лиза — Л.М.Коренева

